

К ВОПРОСУ О ЕВАНГЕЛЬСКИХ ОСНОВАНИЯХ «БРАТЬЕВ КАРАМАЗОВЫХ»

Круг евангельских мотивов в «Братьях Карамазовых» очерчен весьма приблизительно литературной критикой и, думается, будет в дальнейшем расширяться. Простор для исследования необычайно велик. Предлагаем рассмотреть отдельный аспект проблемы прочтения романа «сквозь» Евангелие.

I

Начнем с эпиграфа. Достоевский дает эпиграфом слова из Евангелия (Иоан., XII, 24), причем слова центральные во всей проповеди спасения Господа Бога Иисуса Христа. Первое, что прочтет приступающий к «Братьям Карамазовым», будет (после посвящения Анне Григорьевне Достоевской): «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Первым делом Достоевский уведомляет нас о прямой соотнесенности происходящего в романе с евангельским повествованием и о том, где именно ее следует искать.

Все знают, что эпиграф призван выразить основную идею произведения и тем самым способствовать восприятию его читателем. Между тем вслед за некоторыми религиозными философами рубежа XIX—XX вв. стало почти традиционным интерпретировать 24-й стих 12-й главы Евангелия от Иоанна таким образом, что смысл романа не только не проясняется, но вовсе искажается. Вкратце суть его в следующем. Умирание зерна — преступление, совершаемое героем и являющееся сюжетным центром романов Достоевского. Но своеобразие преступления в том, что оно есть промежуточный этап на пути от, скажем так, «детской невинности» (когда зерно не умирает и остается одно) к «высшему синтезу», т. е. подлинной свободе и святости. В преступлении человек приобретает знания, неведомые «детской невинности», погружается в иррациональные глубины своей души, где только и возможна

встреча с Богом, и в отталкивании от собственной преступности осуществляет подлинно свободный выбор — погибшее зерно приносит плод. Выстраивается триада à la Гегель, некий диалектический ряд из трех компонентов: тезис — антитезис — синтез.

В Евангелии же если не противоположный, то, во всяком случае, совершенно иной смысл. Вспомотримся в контекст: «Иисус же сказал им (св. апостолам Андрею и Филиппу. — Ф. Т.) в ответ: пришел час прославиться Сыну Человеческому. Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой. Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел» (Иоан., XII, 23—27). Не нужно особой проницательности, чтобы понять, что речь идет о распятии, о кресте. Вспомним буквально теми же словами сказанное в Евангелии от Марка: «...кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Марк, VIII, 34—35). Т. е. идея эпитафия — идея креста, отвержения себя. Умереть значит умереть миру; а мир — собирательное понятие, означающее страсти. После грехопадения греховное естество так прочно укоренилось, наложась на естество совершенное, что почитается человеком как подлинное и единственно возможное. И только через крест, отвержение этого мнимого, ветхого человека спасается к жизни подлинный, новый, совершенный человек.

Если пойти с другого конца и посмотреть в Евангелии значение приношения плода (Иоан., XV, 4—6), то мы увидим, что это — пребывать во Христе, что, по словам святителя Феофана, затворника Вышенского, возможно только через приобщение Животворящей Силе Креста Господня.

Тот же результат мы получим, если станем анализировать те две ситуации в самом тексте «Братьев Карамазовых», где эпитафия повторяется (в первый раз — Зосимой о Дмитрие, второй — в сцене с таинственным посетителем).

II

Теперь, когда точка зрения на романное действие выяснена, перейдем к самому роману, который имеет внутреннюю структуру из двух частей. Первая часть есть некая исходная ситуация, пред-

полагающая по своему смыслу развитие, изменение; вторая — самое это изменение. Обе части имеют евангельское происхождение и существуют в «Братьях Карамазовых» как художественное освоение двух притч.

Исходная ситуация передается через притчу о сеятеле (Лук., VIII, 5—8, 11—15): «...вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный...» (Лук., VIII, 5—8). По толкованию св. Иоанна Златоуста, под сеятелем, вышедшим сеять, следует разумеать самого Христа, воплотившегося Бога, пришедшего в мир для спасения человеческого рода, под семенем — Его учение, а под нивою — человеческие души. Таким образом, подвигу самораспятия каждого человека предшествует подвиг самого Христа, как и апостол Павел говорит: «Но как призывать Того, в Кого не уверовали? как веровать в Того, о Ком не слышали? как слышать без проповедующего?» (Рим., X, 14). Восприимчивость к Слову Божию, отклик на Него становятся важнейшей оценочной характеристикой в системе романа.

В каждом из четырех видов приемлющей земли коренится образ какого-либо из братьев Карамазовых. Семя, упавшее при дороге, означает слушающих, «к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись» (Лук., VIII, 12). К таковым относится незаконный сын Федора Павловича Карамазова Павел Смердяков. Это легко установить при анализе двух идентичных по структуре и смыслу сцен. Одна из них связана с Ветхим Заветом. Когда Григорий обучал двенадцатилетнего Смердякова грамоте и стал учить священной истории, на втором или третьем уроке мальчик усмехнулся, Григорий спросил: «Чего ты?» и услышав в ответ: «Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый. Откуда же свет-то сиял в первый день?», остолбенел. «Мальчик насмешливо глядел на учителя. Даже было во взгляде его что-то высокомерное». В «Беседах на книгу «Бытия» Иоанна Златоуста читаем: «Да не обольщает тебя вид (солнца): если захочет повелеть Создатель, оно исчезнет, как будто бы и не было его. Поэтому и создал солнце в четвертый день, чтобы не подумал ты, будто оно производит день». Смердяков впадает именно в такое обольщение, о котором св. апостол Павел говорил так: «Они заменили истину Божию ложью и поклонялись, и служили твари вместо Творца» (Рим., I, 25). Припомним эпизод с «валаамовой ослицей». Смердяков так же усмехнулся, точно так же Федор Павлович

спросил: «Ты чего?» и точно так же остолбенел после длинной смердяковской речи, основывающей теперь на словах Нового Завета, словах самого Христа оправдание отречению от Христа под страхом мученической смерти. Слова эти следующие: «...истинно говорю вам, если будете иметь веру и не усомнитесь, ...если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, — будет; и все, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Матф., XXI, 21—22). И что говорит Смердяков: «Опять-таки и то взявши, что никто в наше время не сможет спихнуть горы в море, ...то неужели ... население всей земли-с ...проклянет Господь и при милосердии своем ...никому из них не простит? А потому и я уповаю, что, раз усомнившись, буду прощен, когда раскаяния слезы пролью». Ту же идею повторит затем великий инквизитор.

Семя, упавшее на камень, означает тех, кто, услышав слово, «с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают» (Лук., VIII, 13). Здесь речь идет об Иване Карамазове. Иван Карамазов — интеллигент, принадлежащий к научной среде (закончил курс естественником). Достоевский постоянно отмечал сильную подверженность интеллигенции влиянию новых модных научных учений, безбожных по своей сути, особенно среди естественников, из-за того, что интеллигенция оторвана от «почвы», не имеет в ней корня и поэтому ветром любого учения уносится в сторону. (Вспомним, как Федор Павлович аттестует Ивана, используя I псалом: «Иван никого не любит, Иван не наш человек, эти люди, как Иван, это, брат, не наши люди, это пыль поднявшаяся... Подует ветер, и пыль пройдет...»).

Семя, упавшее между тернием, означает тех, которые «слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода» (Лук., VIII, 14). В сущности, здесь имеются в виду житейские страсти, которые в святоотеческих писаниях традиционно именуются терниями. К примеру, у Исаака Сирина: «Действительно же страсти суть терния, и произрастают в нас от сеяния в тело». Страстность становится доминантой в образе Мити Карамазова. Была попытка рассмотреть его как некий переход, среднее звено между Иваном и Алешей, эвклидовским умом и сознанием, обретшим дар подлинной свободы. Думается, что у Достоевского этого нет. Сам Дмитрий признается Алеше накануне суда: «Алеша, слушай: брат Иван мне предлагает бежать. В Америку с Грушей. Ведь я без Груши не могу!... А без Груши что я там под землей с молотком-то? Я себе только голову раздроблю этим молотком! А с другой стороны, совесть-то?.. От распятия убежал!» Сам Дмитрий осознает страсть к Груше как бегство от распятия.

Семя, упавшее в добрую землю, означает тех, которые, «услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лук., VIII, 15). Вспомним характеристику Алеши: «Едва только он, задумавшись серьезно, поразился убеждением, что бессмертие и Бог существуют, то сейчас же, естественно, сказал себе: «Хочу жить для бессмертия, а половинного компромисса не принимаю»... Алеше казалось даже странным и невозможным жить по-прежнему. Сказано: «Раздай все и иди за Мной, если хочешь быть совершенен». Алеша и сказал себе: «Не могу я отдать вместо «всего» два рубля, а вместо «иди за Мной» ходить лишь к обедне». Т. е. мы видим мгновенный отклик на услышанное Слово.

Федор Павлович, «глава семейки», соединяет в себе «дорогу», «камень» и «терния», но не вбирает добрую землю. Важно, что Алеша имеет, в отличие от других братьев, иного отца, духовного отца старца Зосиму, образно говоря, привит к другой лозе.

Следует отметить, что семя Слова Божия посеваётся в душу каждого, без всяких исключений, какая бы она ни была. Здесь опровержение упрека инквизитора Христу в аристократизме.

III

Большая часть семени погибла, погибла от приемлющей земли, т. е. внимавшей, точнее, не внимавшей души. Но благоразумно ли, возникнет у некоторых вопрос, сеять при дороге, на каменистом месте, в тернии? «Конечно, в отношении к семенам и земле это было бы не благоразумно, — говорит св. Иоанн Златоуст, — но в отношении к душам и учению это весьма похвально... И камню можно измениться и стать плодородною землею, и дорога может быть не открытой для всякого проходящего и не попирается его ногами, а может сделаться тучною нивою; и терние может быть истреблено, и семена могут расти беспрепятственно. Если бы это было невозможно, то Христос и не сеял бы. Если же такое изменение происходило не во всех, то причиною этого не сеятель, но те, которые не хотели измениться».

Таким образом, как уже говорилось, исходная ситуация требует своего развития, изменения, и это изменение передается в «Братьях Карамазовых» через вплетение в художественную ткань романа притчи о винограднике. Вот она: «Многие же будут первые последними, и последние первыми. Ибо Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно,

и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по динарию, и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнил их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойдешь; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Матф., XIX, 30 — XX, 16).

Согласно толкованию св. Иоанна Златоуста, виноградом в притче называются повеления и заповеди Божии, временем делания — настоящая жизнь, а делателями — те, кто различным образом призываются к исполнению заповедей Божиих. То, что Хозяин виноградника не всех сразу нанял, зависело от воли званых, которые не все сразу Его послушались... Поэтому Он призывает каждого, смотря по тому, когда кто готов Ему повиноваться. В романе не только воплощена мысль притчи, но и почти с полной точностью отражены упоминаемые в ней часы.

Художественное пространство «Братьев Карамазовых», состоящее из двенадцати книг, есть настоящая жизнь.

Раннее утро — описание деяний Федора Павловича Кармазова (книга первая «История одной семейки») — момент призвания именно его. При осмыслении этих деяний под знаком призвания нам откроется его обреченность как человека, дошедшего до состояния полной невосприимчивости к призыву, неменяемости. «Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу и пришел искать плода на ней и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, — не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее» (Лук., XIII, 6—9). Что же ожидать в судьбе Федора Павловича, если и на следующий год картина та-

кова же, как и в три предыдущие? Ответить можно словами Евангелия от Матфея: «Поутру же, возвращаясь в город, взалкал; и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла» (Матф., XI, 18—19).

Одна из особенностей художественной системы романов Достоевского состоит в огромной значимости ключевых слов. Такие слова есть и в первой книге. Когда Федор Павлович узнал о смерти супруги, то побежал по улице и, радостно воздевая руки к небу, стал кричать «Ныне отпускаеши», т. е. молитву Симеона Богоприимца, которому Духом Святым было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа Господня. И эти слова он произносит как раз, увидев Его; слова о своем отшествии из мира сего. Федор Павлович-антибогоприимец своими устами предрекает себе смерть.

Третий час — час Смердякова. В третьей книге мы находим его *profession de foi* — тот самый монолог «валаамовой ослицы». Думается, нет надобности на нем останавливаться. Стоит добавить только, что изрекает Смердяков о своей «вере» как раз в момент призвания к деланию заповедей Божиих, и сделать тот же вывод, что и о Федоре Павловиче — об обреченности. Любопытно, что Дмитрий накануне суда говорит Алеше о Смердякове: «Его Бог убьет, вот увидишь, молчи!» Как в воду глядел!

Теперь, следуя логике, должно рассматривать шестую книгу. Однако Алеша Карамазов — единственный из всей «семейки», формально выпадающий из системы часов притчи. Его час — седьмой, а не шестой. Вопрос о том, принципиальна ли эта ситуация и то, что шестая книга — житие и учение Зосимы, для Достоевского, остается пока открытым. Для нас же сейчас важно то, что, несмотря на указанный факт, образ Алеши никак не выпадает из общей идеи притчи о винограднике. Напротив, его теснейшая связь с нею подчеркивается дополнительно через глубинное единство в рассматриваемой плоскости с образами Дмитрия и Ивана.

Седьмую, девятую и одиннадцатую книги романа (и, соответственно, Алешу, Дмитрия и Ивана) объединяет ряд важнейших деталей: в седьмой книге Алеша узнает о смерти Зосимы, в девятой — Дмитрий о смерти Федора Павловича, в одиннадцатой — Иван о смерти Смердякова. В центре каждой из них — сон героя, становящийся поворотной вехой в его жизни.

Смерть старца Зосимы, исполненная для Алеши провиденциального значения, выявила его (Алексея) веру более в своего учителя и наставника, нежели во единого Учителя и Наставника

(«один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья» — Матф., XXIII, 8). Умерев в таком своем качестве, Зосима родился для Алеши как участник брачного пира в Кане Галилейской среди пьющих «новое вино в Царствии Божием» (Марк, XIV, 25): «То же, милый, тоже зван, зван и призван...» «Кто-то посетил мою душу в тот час» — говорил он потом с твердою верой в слова свои...»

Главное в девятой книге — «мытарства» Дмитрия и его сон о «дите». Мытарство — обличение грехов, истязание души в загробном мире, после оставления им тела, еще до суда Божия. Только смерть, смерть прежнего Мити (вспомним, как в самом начале романа Митя говорит Алеше о том, о чем просят лишь на смертном одре), делает возможными последующие обличения грехов (ибо какая польза от обличения в слепоте тому, кто мнит себя зрячим), как и святитель Феофан говорит об этом: «в деле брани духовной главный и начальный наш прием должен состоять в том, чтобы раздвоиться со страстным... в нас человеком, ...сознать его не только не собою, но и врагом нашим, губящим нас...» Вот признание Дмитрия Алеше накануне суда: «Брат, я в себе в эти два последние месяца нового человека ощутил, воскрес во мне новый человек! Был заключен во мне, но никогда бы не явился, если бы не этот гром. Страшно!»

Одиннадцатая книга по отношению к Ивану представляет собою фактически точную копию с девятой по отношению к Дмитрию. В ней и мытарства (три свидания со Смердяковым), и сонбред (кошмар Ивана). Где же смерть прежнего Ивана, предваряющая мытарства и последующее за ними рождение Ивана нового? В разговоре его с Алешей накануне суда последний восклицает: «...не ты убийца, слышишь меня, не ты!» Эти слова следует понимать как то, что существуют два Ивана: умирающий Иван-убийца и рождающийся Иван-праведник, т. е. произошло одвоение, о котором говорилось в приведенной выше цитате святителя Феофана и которое предстает перед читателем в кошмаре Ивана. Именно после этого Иван получает известие о самоубийстве Смердякова — о конце пути, бывшего недавно еще его путем. Иван же провозглашает: «Завтра крест, но не виселица».

Завтра — день суда. Элемент суда присутствует не только в притче о винограднике (плата — воздаяние за работу), но и в притче о сеятеле: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Лук., VIII, 17). Двенадцатая книга «Братьев Карамазовых» — «Судебная ошибка» — закономерное завершение предшествующего, вытекает из него. Суд, собравший весь город, становится Божьим судом. «Завтра ужасный, великий день для

тебя: Божий суд над тобой совершится...» — говорит Алеша Дмитрию. Так увенчивается все произведение, последним аккордом и тоникой которого является восклицание Алеши о воскресении мертвых.

* * *

До рассказа притчи о винограднике и после нее Христос говорит: «Многие же будут первые последними и последние первыми» (Матф., XIX, 30). Так в точности и произошло в романе. Однако же в притче все работники получили по одинаковой плате, владелец виноградника уравнивал их всех. По толкованию св. Иоанна Златоуста, Господь высказывает это не как заключение, выведенное из притчи, а лишь утверждает, что как сбылось одно, так сбудется и другое. То, что первые стали последними, а последние первыми, относится ко всем Карамазовым, а одинаковая плата за работу — только к Алеше, Дмитрию и Ивану, внявшим призыву к деланию, что подтверждают и следующие слова: «ибо много званых, а мало избранных» (Матф., XX, 16). В притче о сеятеле одно семя принесло плод в сто крат, другое в шестьдесят, третье в тридцать. Различие это зависит не от природы людей, но от их воли. «И здесь открывается великое человеколюбие Божие в том, что Господь требует не одинаковой степени добродетели, но и первых приемлет, и вторых не отвергнет, и третьим дает место» (Иоанн Златоуст). Пусть Дмитрий колеблется между «гимном» и Америкой — и он не отвергается. Пусть Иван яростно скрежещет: «Лгуны! Все желают смерти отца...» — и ему дается место.

Вспомним эпиграф. Он состоит как бы из двух частей. Первая — о зерне не умершем и оставшемся одним, а вторая — о зерне умершем и принесшем много плода — альтернатива, возникающая перед всеми, как потенциальность, приложимая к любому человеку. Из всего сказанного нами выше можно сделать вывод, что в романе для Федора Павловича и его незаконного сына Смердякова становится актуальной первая часть, для Алеши, Дмитрия и Ивана — вторая. Фрагмент притчи о сеятеле завершается словами: «Итак, наблюдайте, как вы слушаете: ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь» (Лук., VIII, 18), означающими, что «кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих» (Иоанн Златоуст). Действительно, Федор Павлович заявляет: «Я, милейший Алексей Федорович, как можно дольше на свете намерен прожить, было бы вам это известно, а потому мне каждая копейка нужна, и чем дольше буду жить, тем она будет

нужнее... потому что я в скверне моей до конца хочу прожить...» Или Смердяков: «Я, положим, только бульонщик, но я при счастье могу в Москве кафе-ресторан открыть на Петровке»; «Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами (3 тыс. — Ф. Т.) жизнь начну, в Москве али пуще того за границей, такая мечта была-с, а пуще всего потому, что и все позволено». Чем кончились все эти планы, мы знаем — «знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет» (1 псалом, 6 стих). Любопытно, что если по книгам рассчитывать промежуток между призванием и смертью Федора Павловича и Смердякова, мы получим одно и то же число — восемь книг. Христос воскрес в третий день после крестной смерти, когда наступил первый день недели, т. е. восьмой день. В христианском богословии семь дней связываются с земной жизнью, а восьмой — с жизнью будущего века, который начнется со Второго пришествия Христа и всеобщего воскресения для Суда. Иисус Христос, воскресший именно в восьмой день, дал нам образ нашего будущего воскресения.

В поэме Ивана «Великий инквизитор» заимствован из Евангелия эпизод воскрешения девицы. Все плакали и рыдали об умершей девице. «Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над Ним, зная, что она умерла. Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух ее; она тотчас встала, и Он велел дать ей есть» (Лук., VIII, 55). Ясно, что Ивану необходимо было изобразить какое-нибудь чудо и показать на его фоне маловерие и слабость людей, отдающих Христа инквизитору на казнь. Но почему именно это чудо? Это легко объяснить в пределах того художественного пласта «Братьев Карамазовых», который нами рассматривался. Вспомним об установленной выше связи седьмой, девятой и одиннадцатой книг, о сне и рождении нового человека. Это и есть не что иное как чудо воскрешения девицы. Алеше, Дмитрию и Ивану дано то самое главное, что было отнято у Федора Павловича и Смердякова — жизнь.